

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ЧУДО В ПЕРЬЯХ

Мне всегда было интересно, кто придумал называть мужчин сильной половиной рода человеческого? Мне хотелось бы видеть этого фантазера. Я бы пристально посмотрела ему в глаза и тихо, вкрадчиво спросила:

— Скажите, насколько велик ваш личный опыт общения с мужчинами?

Думаю, под небольшим нажимом мой собеседник признался бы, что он — инопланетянин, изучивший жизнь человеческого сообщества весьма поверхностно.

Бесспорно, мужчины способны на одномоментное физическое усилие, но они очень плохо выдерживают продолжительные нагрузки и некомфортные условия существования. Обыкновенная простуда повергает их в ужас, исторгая из спешно закутанного в одеяла, грелки и компрессы организма жалобные стоны и слезливые рассуждения на тему: а не пора ли уже звать нотариуса и писать завещание?.. Восьмичасовой рабочий день в уютном офисе изматывает мужчину так, что, придя домой, он прямо из прихожей плашмя рушится в направлении дивана, уже в падении спрашивая: «Дорогая, а что у нас сегодня на ужин?» И дорогая, прибежавшая с работы получасом раньше — с сумками в зубах и ребенком в охапке, — бежит к плите, готовит ужин, накрывает на стол, кормит семейство, а потом моет посуду, полы, измазанного кашей ребенка, стирает, убирает, вкручивает перегоревшие лампочки и вышивает крестиком

по канве. Мужчина в это время из последних сил смотрит телевизор.

Примерно так беседовали мы с моей лучшей подругой, сидя на мягком диване, поедая вкусные пирожные и запивая их горячим шоколадом. Свежайшие пирожные прямо из кондитерской привез мой муж, а шоколад для нас сварил Иркин супруг. Поэтому мы были так добры и великодушны, что не стали озвучивать наше нелестное мнение о сильной половине рода человеческого в присутствии Коляна и Моржика.

— Женщина, в отличие от мужчины, никогда не сидит без дела! — разглагольствовала Ирка, с удовольствием отхлебывая из чашки. — Руки у нее всегда чем-нибудь заняты.

Действительно, Иркины руки в этот момент были заняты — и не чем-то, а последним пирожным, поэтому я согласно кивнула и поставила на столик пустую чашку. Таким образом, мои собственные верхние конечности как раз освободились, и я вольготно разбросала их по спинке дивана.

— Ой! Что это? — мою правую руку что-то чувствительно укололо. — Ирка, признавайся, у тебя в диване клопы?

— Ты обалдела? — обиделась подруга. — Какие клопы? Это ты на спицу напоролась!

— У тебя тут велосипед? — я вытянула шею, заглядывая за диван.

Упоминание о спицах в этом доме ассоциировалось у меня только с колесами. Просторный трехэтажный дом Ирки и Моржика набит всяческим колесным транспортом: в гараже стоят старенькая Иркина «шестерка» и новенький Моржиков «Пежо», в детской, обычно занятой моим собственным сынишкой, кучей громоздятся игрушечные машинки, а в сарае стоит пара садовых тачек.

— Это вязальные спицы, — гордо сказала подруга.

— Ты вяжешь?!

Если бы она призналась, что режет по дереву или собирает коллекцию бабочек, я бы изумилась меньше. Женское рукоделье, всяческое шитье, вязание, плетение и изготовление из подручных материалов одежды «от кутюр» — не Иркино призвание. Насколько я помню, все ее достижения на этом поприще до сих пор составляла одна только собачья попона, целиком выкроенная из большого полиэтиленового пакета.

— Да, я вяжу, — с большим достоинством подтвердила подруга. — Хочешь посмотреть?

Я не просто хотела посмотреть, я умирала от любопытства!

— Вот, — Ирка протянула мне нечто мягкое, розовое, жестоко пронзенное парой стальных спиц.

Я содрогнулась. Вытащив спицы, опасно развернула розовый ком — и содрогнулась повторно.

— А... что это? — осторожно спросила я, отнюдь не желая обидеть чувствительную подругу.

— Сама не видишь? — Ирка заметно напряглась.

Я склонила голову к плечу и включила воображение. В моих руках болталось нечто, похожее на безголовую тушку кальмара.

— Розовый шерстяной комбинезон для маленького осьминога? — предположила я.

— С ума сошла?

Я переложила голову на другое плечо и прищурилась.

— Вязаный бюстгальтер для коровы?

— Нет! — Ирка возмущенно подпрыгнула на диване.

Я задумчиво посмотрела в окно. В саду работал Иркин супруг. При моральной поддержке Коляна, потягивающего пивко на лавочке под цветущим абрикосовым деревом, Моржик аккуратно втыкал в грядки рассаду болгарского перца.

— А, знаю! — я обрадовалась подсказке. — Ты вяжешь специальную систему поддержки для крупных

плодов! В каждый из этих розовых аппендиксов поместится симпатичный перчик!

Ирка вытаращила на меня глаза. Я неуверенно улыбнулась. Подруга перевела взгляд на свою незаконченную работу, почесала в затылке и пробормотала:

— Гм... Я видела, что получается неважно, но не думала, что настолько плохо... Вообще-то я вязала перчатку.

— Для Гулливера?

В розовый шерстяной кошмар свободно можно было упаковать шестимесячного сенбернара с лапами и хвостом.

— Немного просчиталась с петлями, — призналась Ирка.

— А-а-а, — протянула я, не зная, что на это сказать и чем утешить расстроенную подругу. — Ириш, да ты не огорчайся! Этой штуке наверняка можно найти применение в хозяйстве.

— Какое, например?

Теперь уже я почесала в затылке.

— Ну-у... Можно набить это чем-нибудь мягким и сделать подушечку на табуретку.

— Подушечки обычно бывают круглые или квадратные, — напомнила Ирка. — А у меня тут пять отростков.

— А это будет такая особенная подушечка, авторская работа в стиле фэнтези! — не сдавалась я. — А-ля морская звезда!

— Но отростки разной величины! Какая же это морская звезда?

— Колченогая! — гаркнула я. — Это хромая морская звезда, инвалид океанских глубин!

Ирка открыла рот, но не нашлась, что ответить, и через несколько секунд захлопнула челюсти с таким лязгом, словно это был стальной капкан. Попалась бы в него какая-нибудь морская звезда — живо стала бы инвалидом морских глубин!

На этом наша содержательная беседа закончилась. Ирка спрятала своё вязанье куда подальше, и мы не вспоминали о нем недели две, аккуратно до Первого мая. К этому празднику Ирка сделала моему сынишке незабываемый подарок.

— Вот, Масянька, это тебе! — подруга торжественно извлекла из шуршащего пакета большой сверток и вручила его ребенку.

— Ну-ка, ну-ка, что там такое? Что нам принесла тетя Ира? — подогревая интерес малыша, в два голоса запели мы с Коляном.

Мася, не церемонясь, разорвал цветную бумагу.

— Ой, мама дорогая! Тетя Ира принесла нам монстрика! — севшим голосом сказал Колян.

— Это не монстрик, это рукодельная игрушка в старорусском стиле! — обиделась Ирка.

— Что-то мне этот старорусский монстрик напоминает, — пробормотала я. — Ага! Ты все-таки нашла применение гулливерской перчатке! А что? Не плохо получилось!

Изобретательная Ирка набила несостоявшуюся перчатку ватой и наглухо ее зашила. Выше манжетки прищипандорила растрепанные перья оранжевых ниток, а ниже перетянула ленточкой — и получилась лохматая рыжеволосая голова с бантиком на шее. Правда, голова куклы отчетливо тяготела к квадрату, но это ее не портило. Ее вообще трудно было бы чем-то испортить! Во всяком случае, то обстоятельство, что глаза игрушки были сделаны из двух пуговиц разного цвета и размера, я даже не сразу заметила. У рыжей бестии был ярко-красный рот, широкими стежками протянувшийся во всю ширь физиономии, и уши из свернутых фунтиками фланелевых тряпочек. Все четыре конечности монстрика были разной длины, причем на руках были детские перчатки фабричного производства, а на ногах — младенческие пинеточки.

Но все вышеперечисленное меркло в сравнении с еще одной потрясающей особенностью игрушки! У

куклы был небольшой, но отчетливо выраженный мужской половой орган!

— Эт-то что? — слегка заикаясь, спросила я.

— Это был мизинец, — призналась Ирка. — Я не знала, что с ним делать. Сначала думала отрезать, но потом посмотрела по телевизору передачу, в которой говорили, что детям очень полезно иметь игрушки с конкретной половой принадлежностью, это их развивает. Между прочим, на Западе куклы с пенисами в большой цене.

— Охрентельная кукла! — в полном восторге объявил Колян. — Можно, я возьму ее на работу? У нас в газете почти на каждом компьютере какая-нибудь мягкая игрушка болтается, так я сниму со своего монитора пошлого желтого медвежонка и посажу этого конкретного парня!

Я оглянулась на ребенка. Масянька держал чудище в вытянутых руках и нежно улыбался.

— Кукла! — сказал малыш, крепко прижав к груди игрушечного монстрика. — Хорошая кукла! Красивая!

— Вот, слышали? Красивая! Устами младенца глаголет истина! — обрадовалась Ирка.

Я пожала плечами.

— Коленька, а что у куклы красивое? — спросил сынишку Колян.

— Пися! — торжественно ответил Масянька.

Умиленная Ирка едва не пустила слезу.

— Мамоцька, кукла голенькая, дай кукле трусики! — озабоченно попросил малыш.

Я вынуждена была признать, что Ирка оказалась права: ее самодельный монстрик оказался нам полезен. С помощью новой игрушки ребенок быстрее и проще освоил процессы одевания-раздевания, а смотреть на то, как Мася с куклой на пару, как большие мальчишки, справляют малую нужду в унитаз, было одно загляденье!

Рыжего монстрика назвали Манюней, и он стал

верным спутником нашего малыша. Масыня и Манюня вместе укладывались спать, вместе садились за стол, вместе смотрели мультики и даже вместе подстригались, так что лохматая голова куклы стала выглядеть попримечнее. Правда, уезжая в гости к бабушке, сынишка забыл любимую куклу дома, зато каждый телефонный разговор со мной начинал с вопросов о Манюне. Я говорила, что кукла поживает прекрасно, и бессовестно врала: Манюня потерялся.

Утрата куклы совпала по времени с нашим переездом на новую квартиру. Этот эпический процесс, по масштабу и драматизму сопоставимый с историческим исходом евреев из Египта, мы с Коляном пережили в середине мая. После чего мой муж укатил в командировку, оставив меня подсчитывать убытки от переезда и делать ремонт.

ЕЩЕ РАЗ ВМЕСТО ПРОЛОГА

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

— Папаша, что это за ключ? — сердито спросила Деда Степу невестка Юлька, вечно озлобленная баба с голосом противоугонной сигнализации и конусообразной фигурой.

Юлька была живым опровержением известной пословицы: «В сорок пять баба ягодка опять». В свои без пяти пятьдесят невестка Деда Степы была не ягодкой, а фруктом. Если бы она вдруг получила роль в рекламе сока «Фруктовый сад», то наверняка изображала бы грушу, причем организаторы съемок могли бы сэкономить на костюме. У Юльки была маленькая голова на длинной тонкой шее, узкие плечи, откровенно толстая попа и ноги тумбами. В сочетании с желтым цветом лица это делало ее невероятно похожей на грушу позднеспелого сорта «Маньчжурская красавица». Юлькин муж, Андрей Степанович, так и называл супругу, пользуясь ее абсолютной безграмотностью по части садоводства.

Бзиком Маньчжурской Красавицы была чистота, которую она наводила в квартире совершенно фанатично. Единственным местом, где ей удавалось похозяйничать не так часто, как хотелось бы, была каморка тестя. Дед Степа в свои семьдесят с гаком был рослым стариканом с руками, похожими на грабли, и зычным голосом морского пирата. Он стойко оборонял рубежи своей комнатны от вторжения невестки с тряпкой и пылесосом, имея к тому сразу несколько уважительных причин. Во-первых, ему нравилось жить в привычном беспорядке. Во-вторых, приятно

было лишний раз окоротить вредную бабу. В-третьих, после Юлькиных тщательных уборок старикан недосчитывался доброй половины своих алкогольных заначек. Последнее было особенно досадно, потому что Дед Степа не избежал возрастной болезни — склероза, и сам то и дело забывал, куда он припрятал очередную прикупленную с пенсии бутылочку.

— Ты где этот ключ взяла? — строго спросил Дед Степа, для острастки стукнув по столу водочной бутылкой, как Дед Мороз посохом.

Спасаясь от производимой невесткой тщательной зачистки его территории, он переместился в кухню.

— Это очень ценная вещь, — подкрепляя свои слова размеренным стуком, заявил дед. — Положь на место, дура!

— Что, затолкать обратно за подкладку старого драпового пальто? — ехидно спросила невестка. — Так я этот ваш древний лапсердак на выброс приготовила, уже и пуговицы спорола!

— Чушь ты спорола, Юлька! — нахмурился дед. — А ну, дай сюда!

— Да заберите, на что он мне нужен, металлолом ваш! — презрительно ответила Маньчжурская Красавица.

Она шваркнула ключ на стол перед стариком и ушла, взметнув юбкой.

— Что это за ключ, папа? — робко спросил своего сурового папашу Андрей Степанович, опасаясь услышать в ответ обычное в таких случаях: «Это не твое дело, щенок!»

Щенок Дед Степа называл отпрыска уже сорок восемь лет, и большую часть означенного срока это было напраслиной: щенок давно вырос, превратившись в довольно крупного пса. Правда, пес этот был откровенно трусоват и шкодлив, бойцовой породой в нем и не пахло. Называя мужа кобелем, Юлька имела в виду совсем другое.

— Ну, так от какого терема ключик, дедуся? Никак, ты тоже по бабам шастаешь, старый пень? — насмешливо спросил Деда Степу взрослый внук, тоже Степка.

Едва войдя в квартиру, он чутко уловил причину очередного внутрисемейного конфликта.

Андрей Степанович поморщился: слово «тоже» его откровенно компрометировало.

— Молчи, волчонок! — совсем не сердито окоротил парня дед.

Степан Андреевич откровенно любовался потомком. Степка был похож на дедушку в его лучшие годы гораздо больше, чем на папеньку с маменькой. Такой же обаятельный хитрован и разбойник!

Не дождавшись ответа, Степка заговорщически подмигнул старику и прошел мимо открытой двери кухни, помахивая плоской коробочкой с компьютерным диском. Через минуту из Степкиной комнаты послышались звуки пальбы, рев вертолетов и грохот взрывов. Эти шумы отчасти заглушили гневливое ворчание Юльки, впервые за последнюю пару лет дорвавшейся до дедова платяного шкафа. Яростно расшвыривая стариковы одежды по кучкам — что в стирку, что в починку, что на помойку, — Маньчжурская Красавица на все корки честила мужскую составляющую семейства.

— Так что за ключ-то? — повторил дотошный до занудливости Андрей Степанович.

Оглянувшись на открытую дверь, он вороватым движением долил свою кружку с дымящимся чаем водкой из стоящей перед Дедом Степой чекушки. Старик презрительно усмехнулся, взял бутылку и наполнил свою стопку, вызываясь булькай.

— Ключ-то? — повторил он, поднимая стопку. — Ну, будем здоровы!

Водка утекла в луженую глотку старого выпивохи с таким звуком, который издает раковина, засасывая мильную воду.

— Хороший это ключик, ценный. Дорогого стоит, — занюхав выпивку кусочком сыра, громко объявил дед.

— Точно, его можно сдать в пункт приема цветных металлов! — крикнул, не отрываясь от компьютерного побоища, молодой нахал Степка. — Граммов на триста потянет финтифлюшка!

— Сам ты финтифлюшка! — обиделся дед. — Это ключ к замку, который запирает сокровище!

— Нашу мамочку? — съязвил неугомонный Степка. Андрей Степанович противно хихикнул.

— Настоящее сокровище! — возвысил голос Дед Степа. — Чисто клад!

После этого заявления стрельба прекратилась, словно виртуальные противники вдруг заключили перемирие. На пороге кухни возник явно заинтересованный Степка.

— Какое сокровище, дед? — недоверчиво спросил он.

— Вот такое! — старик нарисовал руками в воздухе нечто обширное, как аэроплан.

Судя по этому широкому жесту, сокровище было очень большим или же очень ценным. Степка и Андрей Степанович переглянулись. В силу различия характеров они крайне редко выступали единым фронтом, но тут оба почувствовали необходимость объединиться. Дед Степа не имел обыкновения завираться, зато маялся склерозом и вполне мог утаить от семейства некую важную информацию.

— Колись, старец! Что за сокровище и где оно лежит? — прямолинейный Степка подсел к столу и сходу наполнил дедову стопку остатками водки.

Не столь решительный, но смысленный папенька наглеца вскочил с табуретки и зайчиком метнулся в гостиную, к мебельной стенке, одна из закрывающихся полочек которой носила гордое звание бара.

— А ну, положи коньяк! — рывкнула бдительная

Юлька, выпрыгивая из дедовой комнаты со щеткой в руке.

— Цыц! — замирая от собственной храбрости, высоким голосом истерично выкрикнул Андрей Степанович. — Молчи, баба! Так надо!

Маньчжурская Красавица от удивления потеряла дар речи и только оторопело хлопала ресничками вслед расхрабрившемуся мужу. А тот не только уволок с собой коньяк, но и плотно прикрыл дверь в кухню и даже запер ее изнутри на шпингалет!

С трудом преодолевая провалы в памяти рассказчика и его растущее нежелание повествовать о делах давно минувших дней, Степка при молчаливом пособничестве Андрея Степановича с гестаповским натиском вытряхивал из деда ценную информацию.

Закончив допрос, пыточных дел мастера вышли на балкон покурить и там обменялись своими впечатлениями.

— По-моему, вся эта история с сокровищем — хрень собачья! — заявил грубый Степка.

— Бред воспаленного сознания склеротика-мазматика, — подтвердил Андрей Степанович.

И оба совершенно одинаково подумали про себя: «Золотая жила! Дураком буду, если не копну!»

ГЛАВА 1

ПОНЕДЕЛЬНИК РЕМОНТ С ОСЛОЖНЕНИЕМ

Квартира, которую мы купили, потенциально была весьма неплохой: уютные комнаты, высокие потолки, широкие коридоры, просторные кладовки и антресоли, такие вместительные, что в них можно было бы захоронить роту горных стрелков вместе с парой кубов снега. Мысль о массовых захоронениях пришла мне в голову, когда выяснилось, что под дощатым полом наших новых апартаментов — восемьдесят сантиметров пустоты!

— Доски лежат на лагах, лаги — на стальных швеллерах, швеллера на кирпичных колоннах, а колонны стоят прямо на фундаменте, — поведал мне плотник, которого я привела для консультации. — В кухне и в дальней комнате у вас полы, почитай, новые, лет восемь назад перестилались, а вот в прихожей, в коридоре и в гостиной — еще родные.

— Кому родные? — тупо переспросила я, замороженная упоминаниями неведомых мне швеллеров и лаг.

— Дому родные! — с удовольствием пояснил плотник. — Как положили их в одна тысяча сорок девятом году, так и лежат.

— В том-то и дело, что не так они лежат, — угрюмо возразила я. — Они трещат и проваливаются!

— Это они опустились на примыкании, — важно кивнул специалист по полам. — Поднимем!

— Это она засорилась, — сказали сантехники, обследовав страдающую запорами канализацию. — Перемонтируем!

— Это они зашлаковались и проржавели, — объ-

явил водопроводчик, осмотрев трубы, мучимые хроническим недержанием. — Заменяем!

— Это они сели, — поставил диагноз окантованным трещинами потолкам штукатур. — Заделаем!

Тоскливо подсчитав, сколько денег и времени уйдет на то, чтобы поднять, перемонтировать, заменить и заделать, я попросила у директора своей родной телекомпании экстренный отпуск и материальную помощь. Отпуск мне дали, а деньги — нет.

— Деньги — это не проблема, мы тебе дадим, сколько нужно, — утешила меня Ирка.

— Только я не смогу быстро отдать, — предупредила я, ожесточенно черкая в блокноте.

Под сакраментальным заголовком «Расходы на ремонт» в блокноте уже выстроилась целая башня строчек, завершающихся цифрами. Я уже оплатила новую сантехнику, уйму пластиковых труб и всяческих водопроводных прибабасов, газовую плиту, водонагреватель, цемент, песок и кафельную плитку. Все это добро пока лежало в кухне. В ванной, под полом которой предстояло смонтировать новые системы водопровода и канализации, дюжие парни-разнорабочие задешево взломали бетонную стяжку. Теперь санузел имел такой вид, будто там прошел атомный ледокол или взорвалась не менее как атомная бомба.

Всю мебель и вещи, сложив их в три этажа, я затолкала в одну комнату. Сама устроилась на детском диванчике, электрочайник, микроволновку и компьютер пристроила рядом на широком подоконнике, шестнадцатилитровую бутылку с питьевой водой поместила в кладовку, а сумку с сухим пайком засунула под диван.

— Переселяйся к нам! — предложила Ирка, взглянувшая посмотреть, как я живу в условиях приближенных к боевым. — Гостевая комната всегда в твоём полном распоряжении, а компьютер я тебе своей дам.

Диван не позволял открыть дверь в комнату полностью, и моя крупногабаритная подруга вынуждена была осматривать мою захламленную нору с порога.

— Не могу я переселиться к вам, — с сожалением отказалась я. — Мне нужно быть тут и командовать ремонтом, иначе процесс затянется, а у меня всего неделя отпуска.

— Как знаешь, — вздохнула Ирка. — Но если тебе понадобится какая-нибудь помощь, ты только свистни!

Свистнуть подмогу пришлось уже на следующий день. Правда, экстренный вызов помощи не имел прямой связи с ремонтом. Подталкиваемый мною, этот процесс шел своим чередом и обещал вот-вот перейти из стадии разрушения в стадию созидания.

Обещания исходили в первую очередь из уст РЭПовского плотника Ивана Трофимовича, юркого мужичка лет пятидесяти. С общения с этим милейшим человеком началось утро моего первого отпускного дня.

Продрав глаза и наскоро глотнув чайку с печеньем, я побежала в РЭП, там нежно взяла Ивана Трофимовича за отвороты уютной плюшевой курточки в стиле Папы Карло и эротичным голосом удава Каа спросила: когда же мой дорогой плотник сольется в творческом экстазе с не менее дорогими мне новыми досками? Когда, о когда же начнется моя новая половая жизнь — в смысле, будут сделаны мои новые полы?

— Нынче и зачем, — бодро ответил мне вождь-ленный плотник. — Ты, Елена, пока доски купи, а мне давай ключ, я сниму пару старых досок и попробую поднять полы домкратом.

— Ладушки! — столь же бодро ответила я.

И немедленно побежала покупать затребованные доски, на ходу повторяя, чтобы не забыть, наказ плотника: «Купить три шестиметровых или шесть трехметровых сорокопятков, а если будут только шес-

тидесятки, то попросить пропустить их через станок». Для меня лично это звучало, как фраза на иностранном языке.

Ключ для Ивана Трофимовича, а также для сантехников-водопроводчиков, тоже обещавших приступить к работе сегодня, я оставила у соседки бабы Глаши. Я бы, честно говоря, и свой ключ с удовольствием где-нибудь оставляла, не таскала бы с собой. Ключик нам достался, можно сказать, антикварный, годков ему было не менее пятидесяти!

Ключом отпирался замок, который был врезан в дверь еще на стадии сдачи этого жилого объекта, а его я лично готова была причислить к памятникам старины. С тех пор ни замок, ни дверь не менялись. Они были, как сказал бы плотник Иван Трофимович, «родными» дому-сталинке. Насколько я поняла, у старушки, которая продала нам квартиру, не было ни желания, ни возможности менять в своем жилище что-либо, хотя бы дверной замок.

Сухонькая, как листок из гербария, старушка Зоя Алексеевна была инвалидом. По дому она передвигалась исключительно в кресле-каталке — этим, в частности, объяснялись отсутствие в квартире порожков и нестандартная ширина дверных проемов, с которых сняли наличники. Также для удобства бабушки были необычно низко опущены электрические розетки, выключатели и дверные ручки, но все эти нехитрые усовершенствования были сделаны еще в ту пору, когда вместе с Зоей Алексеевной проживала ее племянница Люда. Своих детей у старушки то ли вовсе не было, то ли они умерли еще в раннем детстве. Бабушка Зоя говорила еще что-то о том, что она трагически потеряла какую-то Марфушеньку, но мне было неловко расспрашивать. Все те три-четыре раза, когда мы встречались с Зоей Алексеевной по вопросам купли-продажи квартиры, старушка была печальна, и мне казалось, что ей достаточно самой малости, чтобы разразиться слезами.

Конечно, бабушке Зое было о чем плакать. Племянница Людмила, ухаживавшая за ней долгие годы, неожиданно скончалась, и прикованная к инвалидному креслу старушка осталась одна-одинешенька, без помощи и поддержки. Собственно, именно это и вынудило ее продать квартиру. Точнее говоря, не продать, а обменять на нашу однокомнатную с доплатой. Смысл этого обмена Зоя Алексеевна объяснила очень просто. Она решила перебраться в так называемый пансионат «Теплый дом» — муниципальный приют для одиноких стариков.

Уж не знаю, насколько этот дом теплый, но там тоже существует привилегированный класс: это те старики, которые сдали принадлежащие им персональные квартиры в обмен на пожизненное проживание в приюте. Им администрация «Теплого дома» предоставляет не место в стариковском общежитии, а отдельные комнаты со всеми удобствами, вроде малогабаритных квартирков.

— Там вполне уютно, прилично кормят, обслуживают, есть телевизор и телефон, приносят свежие газеты, рядом другие люди, и постоянно дежурит врач. Что еще нужно такой старой развалине, как я? — с печальной улыбкой сказала нам Зоя Алексеевна.

Правда, несмотря на все плюсы приютской жизни, старушка все-таки позаботилась о том, чтобы после переселения на все готовое в «Теплый дом» у нее остались и собственные средства: деньги, которые мы ей заплатили, компенсируя разницу в стоимости наших квартир, бабушка Зоя положила на счет в банке.

— Мало ли что! — мудро сказала она. — Я-то знаю, как быстро и ужасно может измениться к худшему жизнь, казавшаяся хорошо налаженной!

Я не стала спрашивать бабушку, какой такой печальный жизненный опыт научил ее столь похвальной предусмотрительности. У меня в тот момент хватало своих забот.

Перебравшись в новые апартаменты, мы с Коля-

ном не стали менять ключ, потому что планировали сразу по окончании ремонта поставить новую стальную дверь. А пока ключ у нас был один-единственный, бывшая владелица квартиры передала мне его из рук в руки, смахнув слезу. Я тоже готова была расплакаться, ибо предвидела, что у слесаря возникнут проблемы с подборкой подходящей заготовки для изготовления дубликата нашего ключа. Эта полезная вещица была размером с флейту-пикколо и здорово смахивала на золотой ключик, каким его изображают иллюстраторы сказки про Буратино.

— Д-да, — озадаченно сказал слесарь, повертев в руках этот шедевр работы старых мастеров, принесенный ему Коляном. — Раритет!

Дубликат, однако, мы получили. К сожалению, провозжая мужа в командировку, я не додумалась экспроприировать его ключ, поэтому пришлось и мне бежать к слесарю с просьбой сделать еще один дубликат. Мастер крикнул, взял с меня двойную цену, но заказ выполнил. Теперь я берегла свой золотой ключик как зеницу ока. Впрочем, и баба Глаша хранила мое золото так же надежно, как Форт Нокс.

Со своей пожилой соседкой я познакомилась в первый же день после переезда. Избежать знакомства было невозможно: баба Глаша оказалась поразительно общительна. У меня сложилось впечатление, что она лет сорок назад устроила у дверного глазка в прихожей наблюдательный пункт и с тех самых пор дни напролет присматривается и прислушивается к тому, что происходит в доме и окрест него, проясняя для себя обстановку периодическими короткими вылазками.

Едва я подхожу к своей двери — любопытная бабушка уж тут как тут с вопросами: «Как дела, Лена?», «Кто у тебя стучит, Лена?» и «Лена, что за мужик поволок на помойку кусок трубы?» И я вежливо отвечаю, что дела плохи, стучит электрик, меняющий проводку, а кривой кусок проржавевшей трубы повово-

лок на помойку вредный дядька из Горгаза, настаивающий на приобретении мной какой-то загадочной «гофры», без которой, по его словам, немислима правильная организация работы новой водонагревательной колонки. Баба Глаша внимательно меня слушает и иногда дает полезные советы, вроде: «Плотнику Ваське денег вперед не давай, а не то он запьет и про работу забудет!»

— Давай приметы сантехников, — деловито сказала старушка, повесив мой ключ на гвоздик в прихожей. — Плотника-то я знаю.

Я уже настроилась бежать на лесоторговую базу, но в связи с просьбой соседки вынуждена была притормозить. Чтобы вспомнить, как выглядели мои сантехники, нужно было сосредоточиться. Самой яркой приметой ангажированных мной мастеров я назвала бы полумертвый автомобиль «Нива», причудливо декорированный разнообразным специфическим добром. С крыши машины свисала связка тонких белых труб, какие-то серые кривые колена высовывались из окон, на заднем сиденье громоздились железки, а под лобовым стеклом висела гирлянда симпатичных желтеньких гаек.

— Приметы сантехников? — озадаченно повторила я. — Ну... Их двое. Зовут Сергей и Виталий. Виталий помоложе, а Сергей постарше. Виталий повыше, а Сергей пониже. Виталий с проплешиной...

— А Сергей — совсем лысый? — предположила старушка, продолжив логическую цепочку.

— Почему — лысый? Наоборот, с волосами, — я еще немного подумала. — А, баба Глаша! Я же им дала свою визитную карточку с телефонами, так пусть они ее вам покажут вместо пропуска!

Решив таким образом проблему идентификации личностей сантехников, я хотела бежать по делам, но тут в квартире за уже запертой дверью настойчиво запел телефон.

— Тебя небось? — кивнула на дверь баба Глаша.

Я пожала плечами — мол, кого же еще! Признаться, я бы предпочла проигнорировать звонок, потому что уже настроилась на бурную деятельность и не хотела притормаживать. Но баба Глаша явно ждала, что я стремглав побегу к телефону, и я не посмела продемонстрировать свое пренебрежение к такому важному делу, как телефонный разговор.

— Да, алло, слушаю вас! — произнесла я деловитой скороговоркой — так, чтобы звонящий понял, что я очень занята, и не вздумал рассусоливать.

Он и не рассусоливал, прямо спросил:

— Квартиру продаете?

Я подумала, что этот бесконечно опоздавший покупатель звонит не мне, а бывшей хозяйке квартиры, и потому сказала:

— Уже продали.

— Кому? — спросил Опоздавший.

— Какая вам разница? Ну, мне продали, — ответила я, надеясь, что теперь надоеда отвяжется.

— А вы квартиру продаете? — тут же спросил он.

Я подумала, что наша беседа начинает напоминать односторонний разговор живого человека с диктофонной записью, пущенной по кругу.

— С чего бы мне ее продавать? Я ее только что купила, еще даже ремонт не закончила!

— Отлично! — обрадовался мой собеседник. — Покупаю без ремонта!

— Я не продаю без ремонта!

— Ну, так я с ремонтом куплю!

— Я вообще не продаю свою квар-ртиру! — взбешенно зарычала я. — Я уже спланировала ремонт, купила кучу разных материалов и мысленно расставила мебель!

— Покупаю с мебелью! — мгновенно отреагировал на сказанное тип, которого я про себя уже окрестила идиотом.

Я глубоко вздохнула и не позволила себе нецензурно выразиться.

— Мебели еще нет, — терпеливо, по слогам, как

настоящему слабоумному, попыталась объяснить я, но в ходе объяснения быстро озверела и опять сорвалась на крик: — И желанья продать только что купленную квартиру у меня тоже нет! Я уже привыкла к ней! Я сроднилась с ней, как будто это часть меня самой! Как рука или нога! А я не торгую донорскими органами! Эта квартира мне дорога!

— Я дам дороже! — успел еще выкрикнуть мой собеседник, прежде чем я с размаху шмякнула трубку на рычаг.

Вот уж не думала, что на двухкомнатные квартиры в старом жилом фонде такой спрос!

В сердцах излишне громко хлопнув входной дверью, я побежала на троллейбусную остановку, на ходу вчерне прикидывая план своих дальнейших действий.

Ближайшая лесобаза нашлась всего в пяти кварталах от моего нового дома — адресок мне плотник подсказал. С учетом этого момента я наметила программу дальнейших действий: куплю доски, найду машину для доставки, привезу покупку домой, а потом побегу на Набережную. Там, за мостом, расположен открытый склад, где продают строительные материалы, в том числе — необходимый моему штукатуру алебастр.

За несколько дней я успела неплохо изучить топографию района на предмет расположения всяческих складов, баз и хозяйственных магазинов!

— Может, выпустить памятку для граждан, занятых ремонтом? — успокаиваясь, подумала я вслух. — Такой маленький календарик с картой района и указанием маршрута к полезным объектам?

ГИМН МЕТАЛЛОКАРКАСУ

Трясаясь в троллейбусе, влекущем меня в места широкого распространения досок, бруса и бревен, я от нечего делать подсчитала, сколько можно было бы

заработать на «Памятке начинающему ремонтнику». Пожалуй, я смогла бы вернуть долг Ирке...

Вспомнив, какую сумму я должна подруге, я строго-настрого наказала себе крепко подумать, где бы скоренько заработать денег, и тут мои размышления прервал телефонный звонок. Дребезжал мой мобильник.

— Да? — спросила я, от души надеясь, что это не очередной желающий купить мою квартиру.

— Мне нравится, как ты реагируешь на мой звонок! — забасила трубка веселым голосом моего оператора Вадика. — Я еще не успел тебе ничего предложить, а ты уже отвечаешь согласием!

— Это согласие в разумных пределах, — уточнила я. — Привет, Вадька! Чего тебе нужно?

— Это не мне, это тебе нужно, — ответил Вадик. — Халтурку возьмешь? Платят наличными.

— А что нужно делать? — спросила я, не спеша соглашаться.

Вадик — жизнерадостный молодой человек, отягощенный множеством знакомств. Активно помогая своим друзьям-приятелям, Вадик то и дело устраивает кому-то очередную халтурку. Причем этим словом называются разовые работы широчайшего диапазона. Лично мне Вадик частенько подбрасывает заказы на изготовление фильмов для хоум-видео, стихотворные «поздравлялки» с юбилеями и всяческие тексты. Хотя однажды с подачи приятеля-оператора я поработала Снегурочкой на корпоративной вечеринке и еще пару раз отказалась попробовать себя в роли тамады.

— Нужно написать текст для гимна, — сказал Вадик.

— Для гимна какой страны? — деловито уточнила я.

В Снегурочки я бы во второй раз не пошла, а гимн написать — это мне раз плюнуть! Хотя более или менее сносно я владею весьма немногими языками.

ми. В порядке стремительного убывания знаний: русский, английский, болгарский, польский... Вроде бы в соответствующих государствах с гимнами уже все в порядке? Даже в родном отечестве со словами главной государственной песни определились, хотя я, честно говоря, не помню, о чем теперь поется в нашем гимне.

— Да не для страны гимн, а для фирмы! — засмеялся Вадик. — Для предприятия, которое производит мебель на металлокаркасе! Ну, чего молчишь, как рыба об лед? Возьмешься за работу?

Я потрясенно молчала. Мебель на металлокаркасе! Действительно, вот тема, достойная гимна!

— Директора фирмы зовут Аполлон Иванович. Пиши номер телефона, — расценив мое молчание как знак согласия, распорядился Вадик. — Два-пять-пять, три-шесть-шесть, семь!

— Как-как? — я не успевала.

В нашем городе совсем недавно в одночасье меняли все телефонные номера. Причем сделано это было бессистемно, к одним номерам просто добавили в начале двойку, а другие перекорезили до неузнаваемости. Получилась сущая диверсия. На мой домашний номер, например, теперь то и дело попадают какие-то посторонние личности. То им вокзал нужен, то роддом, а я дергаюсь от звонков среди ночи! Думаю, этот телефонный вавилон спланировали какие-то коварные враги или же владельцы полиграфических предприятий, которым ситуация только на руку: ведь теперь весь деловой люд заново печатает себе визитки и рекламные материалы.

— Твое дело — слова написать, а музыку берет на себя Гошка Грохотулин, — сообщил мне под конец разговора Вадик.

Гоша Грохотулин, известный широким кругам радиослушателей как Игорь Раскатов, — это еще один мой давний приятель. Невероятно оптимистичная личность, даже на похоронах найдет повод улыб-

нуться и еще всех вокруг рассмешит! Если учесть, что я тоже хронически страдаю от переизбытка природной жизнерадостности, можно представить, какой неслабый гимн сляпаем мы на пару с Гошей! Кто не обрыдается, тот обхохочется!

Впрочем, вслух комментировать сообщенную мне Вадиком информацию я не стала. Записав телефончик директора конторы, жаждущего обрести «фирменный» гимн, я решила, что непременно позвоню этому мебельщику с манией величия сразу после того, как разделаюсь с досками. Троллейбус подкатил к нужной мне остановке, и я устремилась по разбитому колесами проулку на призывный визг циркулярной пилы.

— А вот интересно, куда она ведет? — задумался сантехник Виталий, глядя на толстую канализационную трубу.

Труба, похожая на гигантскую змею, по фундаменту старого здания уползала наискось через весь дом.

— На запад, — хладнокровно отозвался сантехник Сергей, критически оглядывая только что смонтированную систему канализации.

Новенькие пластиковые трубы мышиного цвета предстояло еще залить бетоном, но эту часть работы сантехники пропускали, предполагая подключиться уже на этапе установки нового сантехоборудования.

— Проверять трубу будем или ну ее на фиг? — спросил Виталий напарника. — В принципе, можно оторвать парочку досок и залезть под пол, поглядеть, что там и как.

Сергей задумался. Вообще-то хозяйка настаивала на том, чтобы мастера проверили состояние общей сливной трубы, опасно проложенной под полом квартиры...

— За дополнительную плату, — не дождавшись ответа, постановил Виталик и пошел в комнату.

Сергей потянулся за ним.

— Ну, старый линолеум все равно менять придется! — с этими словами Виталик ловко разрезал покрытие под плинтусом и откинул лоскут упомянутого старого линолеума, обнажая доски. — Оп-ля! Смотри-ка! Доски ломать не придется!

В углу комнаты обнаружился небольшой квадратный люк.

— Дверца! — обрадовался Виталик. — А ну, мы ее откроем!

Молчаливый Сергей подоспел с ломиком, Виталик взял гвоздодер, и заколоченный люк живо открыли.

— Ку-ку! — встав на четвереньки и свесив голову в проем, дурашливо крикнул Виталик.

В пустой квартире забубнило эхо.

— Не паясничай, — скривился старший сантехник.

— Фонарик дай! — попросил Виталик. — Ну, я пошел!

Любознательный юноша смело нырнул в подполье. Оставшемуся наверху было слышно, как его напарник ползет под досками. Перемещение Виталика выдавали громкий шорох и бодрое насвистывание на мотив «Не кочегары мы, не плотники».

— Ну, что там? — раздраженно спросил не кочегар и не плотник Сергей, у которого с утра негромко, но отчетливо ныл зуб.

Под полом что-то бухнуло, и доска под ногами Сергея содрогнулась, как будто хотела выпрыгнуть. Снизу донеслись приглушенные ругательства перемежку с откровенно восторженными возгласами. Заинтересовавшись этим необычным сочетанием, Сергей опустил на корточки и заглянул в люк.

В подполье было темным-темно. Фонарик в руке Виталика светил в другую сторону.